

Чжу Сиян открыл список с информацией о первом подтверждении Лю Мань и Ли Сяожу, перепроверил его повторно и объяснил ситуацию Вэй Ваньжу:

— Они записались, как трио из двух фортепиано и гучжэна. Никакой ошибки в надписи нет.

— Но на сцене точно гучинь, — подтвердили другие профессора из народного факультета и тут же удивились: — Неужели они изменили инструмент в процессе? Почему тогда не сообщили заранее профессору Чжу? Как ни крути, разница между гучжэном и гучинем весьма существенна.

— Два человека и три инструмента. Им этот концерт что, детская забава какая? — выражала недовольство Вэй Ваньжу.

Чжу Сиян, испугавшись её гнева, быстро ответил:

— Я сейчас же отменю их номер.

— А не поздно? Они вышли на сцену. Планируете их оттуда сгонять? Вот потеха-то зрителям будет.

Замечания Вэй Ваньжу отбили интерес к этому произведению и у остальных профессоров. Взамен ему пришло раздражение.

Среди них находилась только одна, кто смутно помнила, как Лю Мань на экзамене по фортепиано, вроде бы, упоминала умение играть на гучине. Только профессор не была полностью уверена в своей памяти, а потому решила ничего не говорить.

Концертный зал являлся приличным местом, и прослушивание в нём музыкальных концертов позволяло увлекательно провести время. Зрители в основе своей состояли из первоклассных людей. В начале шоу все они помнили о необходимости соблюдать тишину в знак уважения к выступающим.

Однако сейчас, когда пришёл черёд играть Лю Мань и Ли Сяожу, слушатели продолжали шуметь. В такой обстановке обе девушки и подошли к передней части сцены. Ли Сяожу любезно поклонилась залу, прижимая правую руку к груди, а левой приподнимая подол платья. Поклон был стандартным и профессиональным жестом, который часто совершали пианисты для демонстрации зрителям своей признательности.

Лю Мань с лёгкой улыбкой сложила обе руки на груди и чуть согнула колени. Смотрелась она совсем как древние госпожи: спокойная и благородная.

Две участницы, что стояли под светом прожекторов, вне всяких сомнений были красивыми.

Красота инстинктивно притягивала к себе всякого человека. Лицо Лю Мань очаровывало даже тех, кто на тот момент достаточно наслышался о её дурной славе. Перешёптывания постепенно сошли на нет, аудитория наконец успокоилась. Все взгляды устремились к Богине Ханьфу и её соучастнице, с интересом гадая, каким образом они планируют выступить.

Как им всем думалось, ту композицию «Влюблённые Бабочки» обе девушки будут играть на фортепиано. И каково же было их удивление, когда Лю Мань вместо этого пошла напрямик к центральному «гучжэну».

Ли Сяожу села за левый рояль.

Две участницы заняли места за соответствующими инструментами. Выставив руки, Лю Мань положила их на струны. Затем она повернулась посмотреть подруге в глаза, и та едва заметно кивнула.

Секундой позже из-под кончиков пальцев Лю Мань прозвучала низкая неземная нота.

«Влюблённые Бабочки», эту знаменитую песню, знали практически все. Тем не менее в исполнении Богини Ханьфу для большинства она действительно звучала непривычно.

На столе не лежало никакой партитуры. Она играла исключительно из памяти, дополняя её собственным пониманием. Утончённое и тихое звучание гуциня недотягивало до весёлых переливов гучжэна или скрипки, оттого вступительная часть яркой весны и благоухающей природы, которую Лю Мань исполнила впечатляюще, перенесла всех в тихий, отдалённый мир.

Аудитория, на удивление, не создавала помех, благодаря чему было тихо. Никто не говорил, зрители неотрывно смотрели на девушку посреди сцены.

Она сидела с идеально прямой спиной, совсем не наклоняясь вперёд. Её колени естественным образом были сведены вместе, ступни стояли на полу ровно, а частично распушенные, но не растрёпанные, волосы развевались в такт мелодии. По всей видимости, Лю Мань прилежно учила позицию «ласкания» гуциня. Она получила умеренное образование и развила в себе изысканность.

Прелюдия не затянулась, и с последней нотой гуциня эстафету сразу перенял рояль Ли Сяожу.

Она играла основную мелодию, самую важную часть. Её навыки поражали. Гармоничная музыка, высококачественный звук и передаваемая веками история позволили всем увидеть в фортепиано двух бабочек, которые резвились и летали друг за другом.

Чёрные цвета платья Ли Сяожу, казалось, сливались воедино с тёмной краской инструмента. Роскошь и изящество. В этот миг её талант сделал из неё прекрасный нефрит, позволив ей блистать ярко.

И Ван Нина ещё смела называть эту девушку безобразной?

Пока внимание слушателей было приковано к Ли Сяожу, Лю Мань сидела за собственным роялем бесшумно. Когда они опомнились, её инструмент уже слился с игрой подруги.

Нижние тона Богини Ханьфу продолжала нести в себе спокойствие и глубину, разбавляя лёгкость и воздушность Ли Сяожу. Таким образом, путём переплетения звуков двух фортепиано, они довели мелодию до кульминации. Создавалось ощущение, словно вместе с ней возвышалась также искренняя, чистая дружба дуэта.

Тогда фортепиано Лю Мань резко замолчало. Быстро поднявшись, она вернулась обратно к гуциню и опять приступила к процессу «ласканий». Ли Сяожу продолжила свою партию дальше.

В этот раз гуцинь исполнял роль дополнения. Сочетание китайского инструмента с западным слух никак не резало. Даже наоборот, игра была неожиданно созвучной.

Связь между гуцинем и фортепиано более ярко контрастировала с двумя совершенно разными тонами. В точности, как если бы античная и изящная девушка держалась за руки и танцевала с современной и пёстрой. Они непостижимо цепляли за душу каждого. Некоторым зрителем и вовсе захотелось плакать.

Если Ли Сяожу была западным пейзажем в ярких красках, то Лю Мань представляла собой китайскую светлую картинку акварелью.

Сейчас она возвела непопулярный гуцинь до статуса, равного распространённому фортепиано, и издаваемый им монотонный звук ни капельки не подавлялся нажатиями клавиш. Они были равны.

Вскоре мелодия встретила своё завершение. Фортепиано Ли Сяожу неспешно становилось всё нежнее, пока не перестало звучать окончательно. Эхом по всему залу расходились одни только чистые аккорды гуциня.

В том, созданном Лю Мань художественном настроении, танцующие девушки обратились бабочками, которые парили выше и выше, в мир, где только они и море цветов. Погрузившись в собственную сцену, девушка показала лёгкую улыбку. Лёгкую, но вместе с тем ослепительно-чарующую.

Зрители так и оставались молчать. Сразу никто даже не осознал, что исполнение уже закончилось. По мнению людей, пять минут пролетели чрезвычайно быстро! Ну почему они не выступали десять или все двадцать?!

Лю Мань и Ли Сяожу повторно подошли к переднему краю сцены. Представ перед зрителями,

вторая поблагодарила их и поклонилась, а первая в знак почтения преклонила колени. Она подняла взгляд к тепло-жёлтому ореолу прожектора у себя над головой.

До этого её гуцинь мог играть только в холодном дворце для неё самой, госпожи Сюй, Сяо Чжао и кучки скорбящих женщин со слугами. Теперь Лю Мань таки вошла на сцену открыто и показала его звучание всем.

Она была невероятно счастлива, благодаря Бога за эту предоставленную возможность.

Каждый человек в зале поднялся со своего места, оплатив за их исполнение громогласными и, казалось, нескончаемыми аплодисментами.

Хлопки продолжались и после того, как девушки сошли со сцены. Поразительное выступление запечатлелось в памяти аудитории на долгое, долгое время.

<http://tl.rulate.ru/book/33390/2051440>